

Едва эскорт Цюй Ли скрылся из виду, Цюй Луныцзюнь порывисто схватил Цин И за руку:

— Ты цел? — в его голосе сквозила неприкрытая тревога. — Он ничего тебе не сделал?

От этой внезапной вспышки беспокойства Цин И слегка растерялся и недоуменно моргнул.

— Да нет... всё в порядке.

— Он... — Цюй Луныцзюнь осекся, окинув его быстрым взглядом. — Вернемся в павильон, там поговорим.

— Хорошо.

Едва они переступили порог Павильона Жалеющий Звезды, князь тут же набросился с расспросами:

— О чем вы говорили?

Цин И лишь устало вздохнул.

— Он знает, что я не Е Юань.

— Что?! — князь был потрясен. — Откуда? Об этом знаем только мы двое да лекарь Сяо. Неужели Сяо Яньи проговорился?

— Исключено. Наш государь гораздо проницательнее, чем мы оба думаем. Чтобы докопаться до истины, ему не нужны доносчики.

— Вот как... — Цюй Луныцзюнь задумчиво опустил голову, взвешивая услышанное. — Что еще он сказал?

— Рассказал, кем были родители Е Юаня.

Третий принц заметно вздрогнул.

— И ты...

— Это прошлое Е Юаня, ко мне оно отношения не имеет, — успокоил его Цин И. — Не волнуйся, я не сделаю глупостей. Но вот что интересно: Его Величество намекнул, что готов подыграть мне. Якобы у Е Юаня был брат-близнец, потерявшийся еще в детстве.

— Зачем ему это? К чему подобные уловки?

— А ты как думаешь?

Цюй Луныцзюнь на мгновение задумался, а затем уверенно произнес:

— Ты ему для чего-то нужен. Он хочет тебя использовать.

— Вот и мне так показалось.

— Император взшел на престол согласно воле небес, но двор до сих пор кишит старыми сановниками времен покойного государя, — медленно проговорил князь. — Цюй Ли не может на них опереться и тем более не смеет им доверять. Ему отчаянно нужны преданные и способные люди на ключевых постах. А значит... — он оборвал фразу на полуслове и многозначительно посмотрел на Цин И.

— Не переоценивай меня и не усложняй, — покачал головой Цин И. — Возможно, им движет банальное любопытство. В конце концов, переселение душ — зрелище не для каждого дня.

— В таких делах лучше переоценить угрозу, чем недооценить.

— Да какая разница.

— Что ты имеешь в виду?

— Подумай сам, — терпеливо объяснил Цин И. — Он прекрасно знает, что я на твоей стороне, но все равно делает подобные намеки. О чем это говорит? Цюй Ли лишь присматривается и прощупывает почву. Он еще не решил, можно ли доверять мне хоть сколько-нибудь важное дело.

— Полагаешь, сегодня была обычная проверка? Он хотел выяснить, предашь ли ты меня?

— Очень на то похоже.

— Но почему именно ты привлек его внимание?

— Тут я сам сглупил.

— Объясни.

— Когда я только очутился в этом мире, то не думал о последствиях, — вздохнул Цин И. — Я согласился лечить его в императорском дворце лишь ради того, чтобы спасти собственную шкуру в тот момент. Наш государь невероятно проницателен. Уверен, он засомневался во мне с самой первой встречи. Иначе с чего бы ему настойчиво предлагать мне должность главного лекаря в императорской академии? Если он и разглядел во мне полезный инструмент, то задолго до того, как я сошелся с тобой.

Цюй Луныцзюнь тяжело вздохнул и уставился на лежащую на столе книгу, погрузившись в молчание.

Сказать по правде, сегодняшняя встреча с императором была одновременно и проклятием, и благословением. Опасность крылась в том, что чем чаще они сталкивались, тем сильнее Цюй Ли разжигал свое любопытство. Выпутаться из этих дворцовых интриг становилось все труднее, если вообще возможно. Размышляя над этим, Цин И понимал: избежать такого исхода было немыслимо. Император выделил его из толпы еще тогда, у постели больного. И пусть в тот момент Цин И не понимал, в какую опасную игру ввязывается, он все равно поступил бы так же — врачебный долг обязывал его спасать жизни, не взирая на титулы и риски. Судьба неумолимо вела его к этой встрече. Хорошая же сторона заключалась в простой истине: чтобы выжить, нужно знать врага в лицо. Чем лучше Цин И понимал императора, тем больше шансов у него было удержать контроль над собственной жизнью. Короткий ночной разговор лицом к лицу открыл ему глаза на многие вещи.

— Князь, — нарушил затянувшуюся тишину Цин И. — Есть один вопрос, на который мне нужен предельно честный ответ. От этого зависят наши жизни.

— Спрашивай.

— Скажи, ты считаешь меня умным человеком?

— Без сомнения.

— И насколько ты мне веришь?

— На семьдесят процентов.

— А остальные тридцать?

Цюй Луныцзюнь тонко, едва заметно улыбнулся:

— Пока ты полностью не принадлежишь мне, я оставляю их при себе.

Цин И уловил в его взгляде вызов и иронично приподнял брови:

— Опасаешься, что мои помыслы могут оказаться не столь чисты, верно?

— Можно сказать и так.

— Семьдесят процентов — это уже немало. Но если в твоих глазах я кажусь великим мудрецом, то должен тебя разочаровать: в моем прежнем мире люди вроде меня едва ли сошли бы за средний ум.

— Вот как? Почему же?

— Чтобы объяснить это, не хватит и трех дней, — уклонился от прямого ответа Цин И.

А ведь так оно и было. В его прежней жизни, за вычетом большой политики, мало какое место могло сравниться с больничными стенами по уровню лицемерия, интриг и подковерной борьбы за власть — жестокой, неприкрытой и грязной.

— Я ничего не смыслю в делах государства, не умею воевать или вести торговлю, — продолжил он. — Но я отлично разбираюсь в людях. И наш император пугающе умен.

— Мне это известно лучше, чем кому-либо.

— Нет, ты не понимаешь! — Цин И глубоко вздохнул и поднялся со стула, меряя комнату шагами. — Его коварство и дальновидность превосходят мои в десятки раз. И я сейчас не пытаюсь преувеличить его достоинства, чтобы напугать тебя. Твои истинные намерения... пусть я не знаю их досконально, но половину уже разгадал.

Цюй Луныцзюнь на мгновение опасно взглянул, но тут же снова стал бесстрастным. Он неторопливо поднес к губам чашку чая.

— И к чему ты клонишь, И-эр?

Цин И остановился и посмотрел ему прямо в глаза.

— Моя жизнь принадлежит Е Юаню. Если бы не это тело, я бы сейчас скитался неприкаянной душой или давно бы развеялся прахом, так и не дождавшись перерождения. Между нами с тобой нет старых счетов, князь. Я ничего тебе не должен. Но я в неоплатном долгу перед Е Юанем. Теперь я начинаю понимать, почему он выбрал смерть... Но я не собираюсь повторять его глупость. Я отдам этот долг. На этот раз я помогу тебе, но как только расплачусь с покойным, моя жизнь станет только моей. И запомни одну вещь: жизнь и смерть во власти рока, а величие предначертано Небом. Твое останется твоим, а чужое — даже если силой отнимешь — долго в руках не удержишь.

Цюй Луныцзюнь посмотрел на него ледяным взглядом.

— Хватит ходить вокруг да около. Говори прямо.

— Ты ведь планируешь убить императора во время осенних ритуалов?

Слова Цин И прозвучали подобно грому среди ясного неба. Тонкий фарфор в ладони принца со звонким треском разлетелся на мелкие осколки. В то же мгновение от Цюй Луныцзюня повеяло леденящей кровью жаждой убийства.

— Откуда тебе это известно?!

— Я же сказал: догадался.

— Лжешь! — взревел Цюй Луныцзюнь.

Не успел Цин И опомниться, как принц железной хваткой сжал его горло. Принц рванул его на себя и с силой прижал к стене.

— Как ты узнал? — выплюнул он, приблизив лицо почти вплотную. Каждое слово сочилось ядом.

Цин И попытался разжать его пальцы, судорожно хватая ртом воздух.

— Я же... говорю... догадался!

Несколько томительных секунд князь вглядывался в его глаза, пытаясь распознать ложь, а затем медленно разжал пальцы. Отойдя на шаг, он повернулся к нему спиной.

— Ты выдал меня императору? — глухо спросил он.

Цин И согнулся пополам, хрипло и жадно вдыхая прохладный воздух.

— Нет, — выдавил он, массируя шею. — Он гораздо хитрее нас обоих. Если уж я сумел сложить этот ребус, ему и подавно не нужны подсказки. Он давно все понял.

Цин И бессильно сполз по стене на холодный пол. Перед глазами всё ещё плыло. Несколько секунд назад этот человек действительно был готов лишить его жизни.

«Цин И, какой же ты наивный дурак. Как ты мог забыть? Сколько бы он ни показывал тебе

расположения, ты для него — не Е Юань. Вы знакомы всего месяц, а на кону стоит его собственная голова. Ты правда возомнил, будто попал в глупую историческую дораму? Детский сад!»

Он горько усмехнулся и осторожно прикоснулся к саднящему горлу.

— Больно? — не оборачиваясь, спросил Цюй Луныцзюнь.

Цин И не сразу понял, что вопрос обращен к нему. Помедлив, он отвернулся, не зная, что ответить.

Князь повернулся и медленно опустился перед ним на корточки.

— Злишься на меня? За то, что поднял руку?

— Вовсе нет, — Цин И поднял на него совершенно спокойный, лишенный обиды взгляд и покачал головой.

— На словах — нет, а в глазах сквозит лед.

— Я говорю правду. Не злюсь.

Цюй Луныцзюнь протянул руку, притянул его к себе за затылок и заставил посмотреть на себя.

— Этот заговор я вынашивал три года. Каждая деталь оттачивалась годами. Ошибки быть не может. Либо победа, либо смерть.

— Я понимаю.

— Если все удастся — мы будем жить. Если же фортуна отвернется... себя я спасти не стану. Но тебя это не коснется. В случае провала уцелевшие стражи вывезут тебя из столицы. Ты уедешь так далеко, как только сможешь.

— И что потом? — горько усмехнулся Цин И. — Всю оставшуюся жизнь бежать без оглядки? Дрожать от каждого шороха, не зная сна и покоя, вечно спасаясь от ищеек нового императора? Забыть о свободе и нормальной жизни, превратившись в затравленного зверя? Такое будущее ты мне приготовил?

— Если так боишься, не нужно было ехать со мной во дворец.

— Теперь уже поздно рассуждать об этом, — отрезал Цин И. — Моя судьба была предreshена в

ту самую секунду, когда я переступил порог твоего поместья. Даже сбеги я тогда, для всего мира я остался бы Е Юанем. Неужели ты не понимаешь? Если ты падешь, обвинение в государственной измене падет и на мою голову. От кары за мятеж не укрыться ни на краю земли, закон о наказании девяти поколений настигнет меня везде.

— Тогда почему ты не попытался меня остановить?

— Остановить? И ты бы отказался от своей мести ради меня?

Цюй Луньцзюню нечего было возразить. Он промолчал.

— Е Юань любил тебя без памяти, — тихо продолжил Цин И. — Он отдал ради тебя жизнь, но даже это не заставило тебя свернуть с пути. Что уж говорить обо мне? Моя ценность для тебя не составляет и сотой доли его наследия.

— Нет! Ты ошибаешься! Всё совсем не так!

— Да какая теперь разница, так это или нет? Я дал слово, что помогу, и сдержу его. Пусть я далек от ваших дворцовых интриг, но закон этой стаи мне ясен: в смертельной схватке за трон выживает только один. Третьего пути не дано.

— Я не допущу твоей гибели.

— Я и не собираюсь умирать. Поверь, Цюй Ли меня не убьет.

— С чего такая уверенность?

— До сегодняшней ночи я сомневался, — признался Цин И. — Но теперь я убежден. Считаю он меня прежним Е Юанем, моя голова полетела бы вместе с твоей. Но теперь он знает, что перед ним Цин И. Для него я — ценная пешка, которую гораздо выгоднее подчинить и использовать, чем уничтожить.

— Думаешь, ему известно о заговоре?

— Если до этого додумался я, то он — и подавно. Можешь не сомневаться: император готов к удару.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Так что наша неожиданная встреча пошла нам только на пользу.

— Поднимайся, здесь холодно, — Цюй Луныцзюнь протянул ему руку и, как только Цин И встал, крепко прижал к себе. Он зарылся лицом в его волосы, и его глухой, виноватый шепот коснулся уха: — Прости... Я не сдержался.

Цин И прикрыл глаза, не проронив ни звука.

Да и что тут скажешь? В этом чужом, жестоком мире больше не было его брата Цин Хао — единственного человека, который любил его искренне, преданно и бескорыстно. Та роковая авария отняла у него не просто прежнюю жизнь и близких. Она выжгла в его душе саму способность слепо доверять и бросаться в любовь как в омут, без оглядки и брони.

— Уже поздно, пора отдыхать, — тихо произнес Цин И, мягко пытаясь высвободиться из объятий и закончить этот тяжелый разговор.

— Сегодня ночью, — Цюй Луныцзюнь осторожно коснулся его подбородка, заставляя поднять голову, — я хочу, чтобы ты стал моим. Настоящим моим.

— Ты хоть понимаешь, о чем просишь? — спокойно спросил Цин И.

— Прекрасно понимаю.

Их взгляды встретились. Ни один не отвел глаз, упрямо отстаивая свое.

— Кто знает, представится ли нам еще хоть одна совместная ночь перед тем, как все начнется, — тихо добавил князь.

У Цин И болезненно сжалось сердце. Он опустил взгляд, уставившись на вышитый воротник его одеяния.

Очертания комнаты начали расплываться. Цин И почувствовал близкое, прерывистое дыхание Цюй Луныцзюня. Князь мягко прижался своим лбом к его лбу, а затем невероятно нежно поцеловал Цин И, дразняще увлекая его за собой в этот водоворот неизбежности...